

В. Г. Белинский

**«Суворов». Соч. Фаддея
Булгарина**

Виссарион Григорьевич Белинский

«Суворов». Соч. Фаддея Булгарина

«...Мазепа был не таков, каким представляет его автор. Но предположим, что читатель не знает истории и что автор по-своему так понял главное лицо своего романа, как представляет его нам. Романист не историк: он схватывает не исторический, а поэтический характер своего лица, и если понимает его несправедливо, но поэтически – читатель не будет досадовать.

Но в самой мысли: устремить все силы романа к доказательству истины очень обыкновенной, известной всякому, но, к несчастью, редко препятствующей делать всевозможные злодеяния и подлости для достижения высшей власти и богатства, – в самой этой мысли слишком много прозы...»

**Виссарион Григорьевич
Белинский
«Суворов». Соч. Фаддея
Булгарина**

Суворов. Сочинение Фаддея Булгарина. 100 рисунков В. Тимма, гравированных на дереве бароном Клотом, бароном Неттельгорстом и гг. Лавиелем и Порре. Издание М. Д. Ольхина. 1843. В привилегированной типографии Фишера. Санкт-Петербург. В 8-ю д. л. Выпуск первый. 143 стр.

В предисловии к этому изданию, или к этому «предприятию», г. Ф. Булгарин говорит, что в его сочинении о Суворове нет ни *истории*, потому что для истории Суворова еще не настало время (и мы, в этом случае, совершенно согласны с сочинителем), ни *вымысла*, потому что он нигде не отступал от истины (какой? – за отсутствием исторической, вероятно, какой-нибудь другой!), и вымысел находится у него только в *форме* изложения. Взгляд довольно неопределенный, но уже не новый! Г-н Ф. Булгарин давно уже пишет по-русски, изучив русский язык настолько, чтоб быть в состоянии писать по-русски правильно грамматически. Мы сказали выше, как понимает и как смотрит г. Ф. Булгарин на свое новое сочинение – «Суворов»: это, по его собственному сознанию, не история и не роман, а что-то такое, чему нет и названия. Так и прежде смотрел г. Ф. Булгарин на искусство и литературу. Для доказательства, что этот сочинитель даже назад тому ровно десять лет опоздал уже своими взглядами на искусство, выписываем мнение г. Н. Полевого о «Мазепе» г. Ф. Булгарина:

Любопытно, что пред «Мазепою» находится небольшое предисловие, где автор изложил свою теорию романа. Здесь, можно сказать, ключ ко всем произведениям г-на Булгарина в этом роде. По его мнению: «Роман должен служить автору средством или к развитию какой-либо философической идеи, или к освещению тайников сердца человеческого, или к пояснению характера исторического лица. Так понимают роман отличнейшие современные писатели Англии и Франции, а потому даже мужи ученые, философы и политики не пренебрегают ныне сим родом словесности и не стыдятся писать и читать романы. Этого прежде не бывало». Итак, автор усиливается доказать, что роман не детская игрушка, что им не пренебрегают даже люди порядочные, именно потому, что в нем можно сказать нечто дельное. Премудрость!.. Но философическую идею можно развивать во всяком роде сочинений, даже в песне и басне; освещать тайники сердца, разумеется человеческого, тоже; а пояснять характер исторических лиц – дело побочное в романе, ибо ро-

ман не может быть исключительно историческим. Следственно, после всего этого мы еще не узнаем от г-на Булгарина: что такое роман? Занимались этим родом сочинений всегда люди порядочные; но для сочинения романа мало быть ученым, философом или политиком. Для этих господ надобен только ум, а для романиста еще надобны: воображение, душа и особенное призвание к поэзии, именно романической. Если г-н Булгарин надеется только на свой ум и ученость, то мы не удивляемся, что он не может создать чего-либо образцового в романическом роде. Если он не шутя так понимает роман, как говорит, то мы видим еще, что он смотрит на него... не как поэт. Роман есть дело вдохновения, — а он доказывает, что в нем должно развивать то и то! Роман есть сам себе цель, как всякое произведение изящное, а он говорит далее, что в нем надобно: *поучать, забавляя*. Но только детям можно давать лекарство, уверяя, что им дают конфекты! Если вы хотите поучать, то для этого есть проповеди, есть науки; в поэзии же должно быть свободное развитие творческой мысли: там нет места никаким

посторонним целям.

В оправдание г-на Булгарина, мы предполагаем, что он писал свою теорию не по убеждению, а понаслышке: так думали прежде, когда еще не знали истинного значения романа и места его среди произведений словесности. Посему не должно говорить, будто «так понимают роман отличнейшие современные писатели». Ни один отличный мыслитель *так* не понимает его, и г-н Булгарин не назовет ни одного: закладую сто против нуля. Зачем же свою вину складывать на других?

Для людей опытных довольно прочесть такую теорию, и они закроют книгу, написанную для ее подтверждения. В самом деле: чего ожидать от нее? Посмотрим однако ж.

Сочинение написано; восторг писателя-поэта миновался; весь жар души его, вся мысль, породившая этот жар, перед нами. Теперь автор для нас, и даже для своего сочинения, постороннее лицо; напротив, мы для его сочинения и оно для нас – все. Мы должны почувствовать и узнать: какая мысль зажгла вдохновение автора; должны, потому что для этого берем в руки и читаем до последней буквы

книгу его. И книга непременно должна отвечать нам. Иначе это не произведение поэзии, а просто сказать – сбор слов и речений.

К счастью, автор «Мазепы» сам объясняет нам мысль свою, как будто боясь, что его читатели не увидят ее. «В сем романе я *предпринял* (?) представить *очерки характера Мазепы* так, как я понял его по истории и по преданиям. Мазепа был один из умнейших и ученейших вельмож своего века, и, чтобы быть великим мужем, ему недоставало только – добродетели! Без нее не сделали его счастливым ум, ученость, почести, богатство и власть. Вот тема моего романа!» (Предисловия стр. III–IV-я).

Мазепа был не таков, каким представляет его автор. Но предположим, что читатель не знает истории и что автор по-своему так понял главное лицо своего романа, как представляет его нам. Романист не историк: он схватывает не исторический, а поэтический характер своего лица, и если понимает его несправедливо, но поэтически – читатель не будет досадовать.

Но в самой мысли: устремить все силы ро-

мана к доказательству истины очень обыкновенной, известной всякому, но, к несчастью, редко препятствующей делать всевозможные злодейства и подлости для достижения высшей власти и богатства, – в самой этой мысли слишком много прозы. Представляйте истину как она есть, по крайней мере, как вы понимаете ее, и в ней уже будет заключаться нравственность, потому что не мы управляем делами судьбы, а провидение. Тот клеветает на провидение, кто не видит блага в каждом событии; в том нет никакого религиозного чувства, кто подумает, что провидение допускает злодеяния, измены и пороки, не имея высокой, часто непостижимой для нас нравственной цели. Сердце человеческое, в чистоте невинности, угадывает что и потому-то может с наслаждением видеть в произведениях изящного изображение бедствий, пороков, злодеяний: за ними скрывается мысль о непостижимом, который все ведет к благой цели. Негодование, презрение к пороку и новая душевная чистота при взгляде на него – вот истинное действие трагического, ужасного. Человек переселяется в видимые им лица, осу-

оществляет воображением события, и самое участие, сожаление, гнев, тоска и радость, испытываемые им при этом, показывают его личную борьбу с теми встречами рока, которые представляет ему поэт.

Но воображение нечистое, порочное не исправится ни от какого нравственного вывода. Самое высокое поэтическое создание проскользнет по уму порочного и даже не коснется души его. Что для него ваша сказка, ваш роман? Препровождение времени, игрушка, вист, зеванье на театральную сцену. Так-то прежде думали сделать училищем нравственности театр! Теперь эта мысль оставлена; должно будет оставить и вообще мысль: учить нравственности произведениями изящного. И давно пора убедиться, что нравственность заключается во всем, но только для тех, кто верит провидению, кто чист душою, кто умеет наслаждаться поэзией. Если для таких людей писал г-н Булгарин, то напрасен был труд его; если же хотел он поучать людей порочных или слабых в добродетели, то опять напрасен труд его, как мы показали выше.

Но, стремясь к посторонней цели, он уже не мог быть поэтом в романе своем и потому не достиг ни к чему. Поучения в его книге нет, и нет романа, потому что он хотел сделать его поучением. Мазепа представлен довольно хитрым плутом – не более; а подобный характер не может быть занимателен. Человек, который из ничтожества достиг такой силы, что хотел сделаться независимым государем, не мог быть мелким плутягой. Если бы даже, не справляясь с историей, автор вывел на сцену человека, сильного умом и духом, но развратного, ослепленного честолюбием и ложною привязанностью к родине; если бы, наконец, главною пружиною действий его сделал он неумиримую ненависть к Петру Великому, то все действия такого человека приняли бы характер совсем иначе занимательный. Мазепа погиб самым несчастным образом, в своем безумном предприятии – вот истинная кара его злых помыслов. Для чего же было тут выводить жалких его детей и только ими наказывать преступника? Но еще надобно сказать и то, что Огневик и Наталья почти во все продолжение романа остаются

загадочными лицами; читатель не знает, что они брат и сестра, дети Мазепы, следовательно, не принимает никакого участия в той гибели, какую готовит им Мазепа. Напротив, зная родственные их отношения, читатель волновался бы сильным ощущением, страшась их гибели от руки отца, страшась и успеха их страсти, которая должна была кончиться кровосмешением. Но автор не умел воспользоваться и тем вымыслом, который ввел и свой роман совсем некстати. О других побочных лицах не станем говорить; это по большей части лица неестественные и неудачные, какими наполняет г-н Булгарин все свои романы. Несноснее всех Мария Ивановна Ломтиковская, так странно обольщающая Огневика! Доступ, который она открыла ему к заключенному Палею, достоин видения Ножова! И довольно забавна фигура Палея, лежащего в гробу. Зачем его живого класть в гроб и заставлять геройствовать таким образом? Неужели для эффекта? Но тут выходит эффект, которого, конечно, не ожидал автор. Надобно прибавить однако ж, что из всех изображенных автором лиц Палей лучше

всех, потому что всех занимательнее. Правда, нападение его на замок пани Дульской представлено довольно невероятно; однако ж это выкупают многие поступки и речи Палея; например, появление его на бал к Мазепе в Бердичеве. Еще замечательно изображение иезуита. Да, они были таковы! Это верно. Зато поляки представлены точно какими-то сумасшедшими! Это неестественно. И почти все лица в романе «Мазепа», за исключением двух-трех, или незанимательны, или смешны без воли автора. Мазепа – мелкий интриган; Огневик – дрянной казачишка, храбрец на словах и глупец на деле, отвратительный по связи с Ломтиковскою. Наталья – ничтожная, бесхарактерная фигура; Ломтиковская и неестественна и гадка: все другие (кроме Палея и иезуита) так ничтожны по действию, что о них не стоит и упоминать.

При таких неудачных характерах связь романа совершенно бессвязна. Не Мазепа является по ней главным, а Огневик, на котором держится все. Мазепа интриганит и хитрит своим чередом, а Огневик действует. Он и забирается в дом к Мазепе, и подвергается пыт-

ке, и мирит гетмана с Палеем, и скачет в Петербург, и безумствует в пустыне, и наконец отравляет отца. Спрошу только об одном: что останется в романе, если отнять Огневика? И по числу страниц и по важности действий — пустяки. Но выкиньте из романа Мазепу — останется еще роман «Огневик». Какая ж тут связь?

Но поверит ли автор, что мы извинили бы все эти недостатки, если бы в его романе было одно, главное достоинство: поэзия, одушевляющая изображаемые события? Роман его остался бы бессвязным, бесхарактерным, но многое выкупили бы поэтические картины. Что видим, напротив, у него? Какой-то простонародный, детский, пошлый взгляд на всё и оттого удивительное ничтожество изображений. Как, например, является у него Петр? Угадайте? Он бьет палкою подъячего среди улицы! Это выбрал автор из всех исполинских подвигов Петра для изображения нам его характера! Кто другой, кроме г-на Булгарина, впадет в такое недоразумение? Полтавская битва больше похожа у него на реяцию, нежели на поэтическую картину. Житье-бы-

тье Ломтиковской с Огневицом в Петербурге просто отвратительно. Палей во гробе смешон. Огневик с трупом Натальи, который разваливается у него в руках, мутит душу. Но таких сцен тьма, и они совершенно уничтожают две-три, прекрасно выдержанные, каковы пытка Огневика и пир у Мазепы.

Чтобы досказать все, надобно упомянуть о слоге «Мазепы». В этом отношении обыкновенно хвалят г-на Булгарина, замечая, что он не делает ошибок против грамматики г-на Греча. Это, конечно, дело похвальное; но этого мало. Надобно еще, чтобы слог был живописен, одушевлен, сообразен различным картинам и ощущениям. Этого нет у г-на Булгарина. Его слог однообразен до утомления, холоден и, чтобы выразиться уподоблением, тянется, как знаменитый илигинский сургуч. Лучше бы писать с ошибками, которые могла бы выправить приятельская рука грамотного товарища, но оживлять свой слог чувством и жаром поэзии. Теперь же можно сказать, что слог г-на Булгарина имеет одно отрицательное достоинство; в нем нет ошибок грамматических. Только!

Мы нарочно выписали мнение г. Н. Полевого о «Мазепе», потому что это мнение справедливо и беспристрастно. Нам скажут: то мнение о «Мазепе», а здесь дело идет о «Суворове». Возражение справедливое, и мы считаем долгом отстранить его удовлетворительным объяснением. Г-н Ф. Булгарин принадлежит к числу тех плодовитых сочинителей, которых многочисленные писания пишутся на один лад и на одну манеру и отличаются одно от другого только названиями да именами действующих лиц; в сущности же они не что иное, как повторение первого сочинения, которое когда-то вышло из-под пера. Поэтому, если вы прочли одно произведение такого сочинителя, вы знаете уже все его произведения, и написанные и имеющие быть написанными; если вы разобрали критически одно такое сочинение, то уже отдали самый верный отчет и обо всех других. В самом деле, «Суворов» г. Булгарина – ни дать ни взять, как все другие его произведения. Впрочем, как текст, писанный для картинок, «Суворов» ничем не хуже других текстов, писанных с тою же целию, – следовательно, и «Истории Суво-

рова», сочиненной г. Н. Полевым. Издание прекрасно; но картинки, несмотря на имя их даровитого составителя, г-на Тимма, не слишком хороши. Взгляните, например, на картинку на 104 странице, где представлено, как Суворов отталкивает янычара, бросившегося на него с ятаганом: что это такое? карикатура!..